

А.С.Шмулензон

«Без права на жизнь.»

За что?

***

Это, наверно, хорошо иметь большую семью...

Тульчин, маленький городок, Подольской губернии, Брацлавского уезда. В восемнадцати километрах от Южного Буга - место оседлости моего несчастного народа. Здесь когда-то на улице Капцунивка, позднее Пролетарской, в домике, которого уже нет давно, жили мой дед Хаим-Пинхес и бабушка Хейвид. У них было шестеро детей – самым старшим ребёнком был Беня. Когда он подрос, его отдали на обучение к портному, так бы всю свою жизнь и работал дамским портным. Остальные два брата Ушар и Гершл, а также сестра Сури-Неха и самый младший Бузм, помогали отцу. Папа был пекарем. Бабушка тоже помогала дедушке, поэтому жили они неплохо. Вскоре, Беня женился, он привёл красивую девушку Злату, которую все в семье полюбили. Она была тихой, скромной и очень хорошей. Они ушли из отчего дома в коммунальную квартиру, которую им выделили власти.

Тульчин, милый сердцу моему городок: зелёный и чистый, особенно центральная улица; палисадники, аккуратно подстриженные; карликовые акации, издающие весной тонкий запах духов; чистая, мощёная диким камнем гранита, прямая как стрела, дорога. По обе стороны догори - магазины, ларьки, парикмахерские и разные мастерские. В городе была швейная и обувная фабрики, а также артель «Металлист». Каждый находил себе работу. Нищеты не было, жили средне, но в достатке. Богатства не показывали – такое уж было время. Тихий еврейский городок. В этот городок и приехали из Одессы мой отец с братом. Они нашли знакомого товарища Хаскеля Зисера и у него во дворе открыли «крупорушку»: двигатель тех времён – большая шестерня с грабовыми плоскими кольцами, вбитыми в неё и маленькая шестерёнка, в которой был закреплён вал, сверху большой шестерни были закреплены два ствола деревянных брусков, к которым было приделано приспособление для коней. Один человек гонял лошадей по кругу ?и это приводило в действие гранитные круги разных размеров. Большие камни мололи пшеницу и кукурузу, а крупу - маленькие жернова. Было и сито для просеивания. Так как это маленькое производство находилось недалеко от дедушкиного дома, там и познакомились в 1926 году мой отец с моей мамой Нэхой, а дядя Анчел с моей тётёй Бузей. В 1927 году поженились мои родители, а в 1930 - мои тётя Бузя и дядя Анчел. Затем женился мой дядя Ушер, он нашёл свою судьбу в Томашполе - маленьком еврейском городке. Так, братья Срулик и Анчел остались в Тульчине, приобрели свои дома и стали хорошими хозяевами своей судьбы. Никто из них не мог предвидеть, какое горе обрушится на них - этих добрых, красивых и работающих людей. А пока что они наслаждались жизнью. Выдали замуж старшую сестру Суру за дальнего родственника Лейзера Ладыжинского. Он был из бедной семьи, очень красивый парень. Ему купили лошадь и подводу, чтоб он смог работать. В первый же день, когда он выехал на базар, сёстры его сопровождали, чтоб не обидели, а не зря. Подошёл человек, попросил его отвезти мешки и вдруг появился другой извозчик и затеял драку. Сёстры бросились защищать Лейзера. Мама сорвала с него шапку и начала кричать на весь базар, что у извозчика парик. Ездовой с трудом вырвался от них, отобрал шапку, и пустился наутёк. Это я узнал позже и был очень удивлён, потому что моя красивая, спокойная мамочка больше так и никогда не была боевой. Бедная моя мать, она родила восьмерых детей! Мой отец хотел большую семью, чтоб на старости лет смогли они радоваться своими детьми. Отец был красивый и сильный человек, очень добрый в отношении с матерью и детьми.

Фото 1. Анатолий Шмулензон (слева) и его двоюродный брат после войны

Но не зря говорят, евреи: «Дер менч трахт, ун гот лахт», что в переводе: «Человек думает, а бог смеётся». Появился фашизм - банда людоедов и всё рухнуло.

Тульчин, милый моему сердцу городок, где я родился, где пошёл в школу в 1936 году. Отец отвёл меня в еврейскую школу, где преподавали на идиш старые и молодые учителя, отлично знавшие своё ремесло. Моей первой учительницей была лернер Круковер - замечательный педагог, она сумела привить нам любовь к еврейским писателям, к еврейскому языку. Директором школы был Киц Исаак. лернер Кипнис был отличным историком, замечательным математиком и учителем немецкого языка. Было ещё много хороших педагогов. Казалось, не учиться нельзя - всё было интересно, хотелось их слушать, но мы были детьми, и не всегда всё проходило гладко.

Однажды, кто-то из мальчиков сделал пакость - девочке из религиозной семьи вложили в учебник по алгебре кусочек сала. Я заметил, кто это сделал и начал с ними драться. Это были Эршл Ткач и Рувин Ландер. Вдруг вошёл лернер Кипнис и, растащив нас, сказал, чтобы я привёл отца в школу. Мне было стыдно перед учителем, но больше меня тревожил предстоящий разговор с отцом. Я представлял себе, как огорчится мать, узнав о драке. Я сел за парту и начал решать задачу, записанную на доске, но она не получалась. Учитель спросил: «Кто желает ответить, пусть подымет руку». Но никто не поднял руки. «Ну что ж может ты ответить?» - обратился он ко мне. Я вышел к доске и начал решать. У меня в такие минуты всегда получалось решение, вышло и тогда.

«Отлично!- похвалил меня учитель,- пожалуй, ты искупил свою вину, я очень тобой доволен. Садись, отца не надо тревожить, у него умный сын».

И все-таки я был не доволен собой, потому что позволил ребятам обидеть эту девочку.

Это было в пятом классе, мы только начинали изучать русский язык, он нам вначале плохо давался, но постепенно мы его освоили. Появилось много новых интересных книг и, кто знает, выросли бы из нас талантливые люди...

Но война перечеркнула все...

***

«Стой, сорванец! Ты зачем бьешь стекла у соседей?» - так кричал отец, догоняя своего сына. В ту последнюю субботу, 21 июня 1941 года, я, убегая домой, взобрался на двери и с помощью их, как по лестнице, залез на крышу. На ругань отца вышла мать, а за ней, цепляясь за подол платья, вышли пятеро ребятшек, шестой был у нее на руках. Это была красивая женщина тридцати пяти лет, выше среднего роста с длинной черной косой.

«Срулык, чего ты кричишь? За кем ты гонишься?» - взволнованно спросила мама отца.

«А ты посмотри на своего сына! Он на крыше!» - рассерженно ответил папа.

«Что он сделал и почему он на крыше? Это не только мой сын, но и твой тоже» - поинтересовалась мама, недоумевая.

«Он разбил стекло у Вольки Глейзера, теперь надо будет заплатить» - сказал отец.

С крыши раздаётся голос: «У него много стекла, может и так вставить!» «Слышишь, какой он, а ну слезай, я тебе покажу, как разбивать» - прокричал папа, начиная вытаскивать ремень из брюк.

«Срулык, не надо! Смотри, соседи собираются. Тебе не стыдно? Дети, берите отца и пошли домой» - сказала мамочка. Дети облепили отца и потянули его в дом.

«Ну ладно, дома разберусь с ним» - сказал папа.

«Сыночек, слезай, я не дам тебя в обиду» - ласково позвала меня мама.

Мама... Милая моя мама!

Она действительно меня любила больше всех, по крайней мере, так мне казалось, может за то, что я был похож на нее. Стоял жаркий июньский день, соседи посудачили и разошлись, сплетни так и не получилось. Сын слез с крыши, боясь угроз отца.

- Осторожно! Теперь ты расскажешь мне правду?

- Это, мама, не я!

- А кто же? Мама никому не скажет.

- Нет, это тайна.

- Ну ладно, пошли кушать, отец ждет.

Таков был порядок в доме - без отца никто не садился за стол. Мы зашли в дом. Отец, увидев меня, поднял ремень. Дети, как по команде, заревели.

-Что ты делаешь, Срулык? Тойвалы никто трогать не будет! Он никого не обижал и стекла тоже не бил. Правда, сын?

-Да, мама.

-Опять какая-то тайна, сынуля? - спросил отец и убрал ремень.

-Да, папа.

-Нехалы, дай нам кушать, что-то я проголодался.

«Надо было еще посидеть немного у Хаскеля» - с усмешкой сказала мама.

«Немец зашевелился на границе» - промолвил отец.

Мать вышла на кухню и открыла заслонку в печи. Оттуда понесся такой аромат по дому, что все заулыбались. Моя мама умела готовить, особенно на субботу. В пятницу она вытапливала печь и ставила туда в глиняных горшочках и мисках пищу, затем закрывала заслонку и замазывала глиной.

После обеда дети побежали на улицу. Маленькую Бэллочку мама уложила спать и ушла мыть посуду. Отец включил репродуктор, он очень любил слушать новости.

О чем думал этот сильный человек? О чем мечтал? Теперь это неизвестно.

На следующий день была война...

Фото 2. Малолетние узники: (слева направо) Борис Майкис, Елизавета Вайнер (сестра Анатолия Шмулензона), Ефим Толковец (двоюродный брат Анатолия Шмулензона), Анатолий Шмулензон.

Встав рано утром, отец услышал экстренное сообщение о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Заплакали мама, дети. Слезы стояли в глазах отца. Он только сказал матери: «Нехалы, собирай меня в военкомат». Он взял свой паспорт и военный билет, в котором было написано, что в случае войны он не должен ждать повестки, а немедленно явиться в военкомат. Отец зашел за своим братом, и они вместе с

женами пошли на призывной пункт.

Через некоторое время они вернулись и рассказали, что отца направили в одну часть, а дядю Анчела - в другую. Им не разрешили служить в одной части. Обнялись братья, расцеловались и, роняя скудную мужскую слезу, расстались, не зная, что никогда больше не встретятся.

Так закончилась мирная жизнь в наших семьях и никто не мог сказать, что будет с нами дальше...

Отец оставил нам шесть тысяч рублей - огромные деньги по тем временам.

Продукты питания дорожали с каждым днем. Чтобы как-то прожить, мать покупала много картошки. Дети все притихли, старались хоть чем-то помочь матери, даже капризная сестренка Лейкалы, которая была младше меня на два года. Чувствовалось, что надвигалось что-то нехорошее. Но пока мы находились дома, все для нас было хорошо.

Я стаскивал разбросанные по городу поленья и доски, готовясь к зиме. Мать радовалась и плакала: «У меня хозяин в доме есть. Ничего, дети, проживем, если нас из дома не выгонят». А такие слухи уже шли по городу. Неожиданно, в середине июля, под вечер, пришел отец в военной форме.

Он сказал, что его отпустили повидаться с семьей. У них поломался трактор-тягач, и к нему не было запчастей. Папа вспомнил, где стоял такой же трактор, и механики взяли его с собой, а затем отпустили домой на несколько часов.

Он рассказал, что было призвано много людей, что винтовок и саперных лопаток на всех не хватает, есть одни противогазы, а что будет дальше, так никто не знает. Красная Армия отступает. Наверно фашисты войдут в Тульчин. «Берегите себя, дорогие мои и будьте все вместе, с семьями Лейзера и Анчела» - сказал отец. Дядьки же мои попали в пехоту.

Утром отец ушёл. Больше мы его никогда не видели.

Тульчин, Тульчин!!! Ты много видел за годы своего существования: поляков, гайдамаков, петлюровских бандитов. Всем мешал мой трудолюбивый народ. Одни заискивали с ним, другие грабили и убивали. Но он видел и иное: как через гранит выбивалась молодая поросль, она развивалась и росла, училась и смеялась, изучала свою Тору и воспевала свой народ. Все ты видел, милый сердцу моему городок. Мы радовались весенним запахам цветов, жизни. Ты помнишь голод 1933 года, когда люди умирали на ходу! Но того, что предстояло нам вынести в эти годы - никогда!!!

В конце июля 1941 года в городок вошла румынская разведка. Они изучали местность и искали красноармейцев. На центральной улице они увидели женщину, несшую воду, и с криком «апы» (вода - румынский яз.) ринулись к ней. Тетя Маня встала как вкопанная, увидев незнакомых солдат. Они окружили ее, сняли ведра с коромысла и заставили попробовать воду с обоих ведер. Напившись воды, они побежали к мосту. Мост был небольшой. Перед уходом Красная Армия взорвала его.

Вдруг, на небольшой высоте пролетел самолет, из которого раздавались пулеметные очереди. Когда стрельба затихла, на центральную улицу двумя колоннами в городок вошли фашисты. Наступили черные дни для моего народа.

Началась оккупация. На второй день собрали десять мужчин-евреев, которые остались по болезни и броне, запрягли ими телегу, наполненную бочками с бензином, и погнали в гору к военкомату, где стояли фашистские машины. Там мужчины разгрузили бочки. Затем немцы погнали их на долину. Просмотрев их, фашисты вывели из строя молодого парня и сказали ему, что он якобы убежал из плена, заставили его копать себе могилу. Он отказался. Тогда они заставили сделать это других. Яма была выкопана. Подвели парня к ней. Красавец-богатырь понял все. Обращаясь к фашистам, он крикнул: «Я знаю ваши повадки, вы - людоеды, но вас, фашистскую сволочь, все равно уничтожат, вы будете жалеть, что пришли сюда! Смерть фашистам!!!»

Они выстрелили в него, но он поднялся на руках и плюнул в их сторону. К нему подошел офицер и пристрелил. Это был еврейский парень. К сожалению, фамилии его я не запомнил.

Среди людей, которые хоронили его, был мой дядя Ушер, оставленный по броне пекарем в городе.

В Тульчине была зона румынского правления. Они собрали еврейскую общину и заставили переписать всех евреев, которые остались в городе, якобы для выдачи хлеба.

В первое время в общине действительно выдавали хлеб. Перед Ёмкипуром моя тетя Злата послала своего сына за пайком в общину. Там находились немцы. Они посадили мальчика в машину и увезли. Больше мы его не видели. Где он был убит, так никто никогда и не узнал.

Рувин стал первой жертвой из нашей большой семьи. Больше за хлебом никто не ходил. Все обходились тем, что осталось из продуктов.

После Ёмкипур начались морозы. Пошел сильный снег. В это время община передала, чтобы все евреи перебрались на южную половину города.

Мы узнали, что такое гетто. Центральная дорога разделила город пополам.

Переходить на ту сторону, откуда выселили евреев, было строго запрещено. Были назначены полицейские из знакомых украинцев - Севак и Молодецкий. Позже, узнав, чем они должны заниматься, ушли из полиции.

Они не могли издеваться над евреями, с которыми жили бок о бок. На их место назначили бывших военнопленных, местных жителей, они и прислуживали хозяевам.

Все дороги из гетто были перекрыты.

Видно было, что что-то готовится. Но что именно - никто не знал.

Так прошло два месяца. В декабре стало тепло, дороги раскисли. И вот, 19 декабря 1941 года, начали выгонять евреев из своих домов, согнав всех в двухэтажную еврейскую школу. До сих пор не понимаю, как могли вместиться там около шести тысяч человек?!

Люди стояли в комнатах и коридорах, дети плакали, а глядя на них, плакали и взрослые. Это уже была настоящая беда. В то утро, как всегда, я и мой друг Мишка Севак, соседский мальчик-украинец, пошли искать дрова. Услышав плач, мы вернулись назад, но румынские солдаты не хотели впускать в зону гетто. Мишка стал просить, показывая, где его дом. И нас пропустили. Он завел меня к себе в дом и попросил мать, чтобы та меня спрятала. Но тут вмешался бывший учитель Зубик: «Отпусти жидёнка, пусть идет к себе домой!». Когда я пришел к себе, возле дома стояли родные. Мама спросила: «Что слышно на улице?» Я ей

все рассказал. «Нас никто не тронет, потому что Мишка нарисовал на дверях крест» - объяснил я ей. Услышав это, все заплакали, начав собираться.

У нас в доме находились три сестры: тетя Сура, тетя Бузя и моя мать. О том, чтобы собрать вещи, им и в голову не пришло, так как у них на руках были дети - семеро у нас, у тети Суры - шестеро, у тети Бузи - двое. Мама схватила одежду для детей, бросила туда несколько коржей и мы все вышли на улицу. Там нас заметили румынские жандармы и увели в школу.

Так я оказался в моем классе, где учился.

Милая моя мама, любимые мои тетушки, что было в ваших умных головках?!

Положение было ужасное. По нужде не выводили. Туалеты в школе были забиты испражнениями. Страдали маленькие дети. Не было где постирать, высушить пеленки. Люди изнывали от жары. Воды не было. Но это было только начало.

На третий день пребывания в школе нас вывели в баню. На улице стояла дэз-камера. Всем приказали кидать в неё свои вещи. Шерстяные изделия превращались в бесформенную массу, воротники из шкурок рассыпались в пыль или кусками отваливались. Это продолжалось целый день и ночь. Затем нас поздравили с днем рождения Сталина.

Еще одно унижение испытали мы, когда нас вели колонной сквозь строй наших земляков. Одни плакали, другие смеялись. Тем более, что было кому посмеять их. В Тульчине жил калека – карлик, который шел за колонной и палкой погонял нас с криками: «Цоб - цобэ!» (быстрее, быстрее).

Я нес на плечах своего брата Хаима, Лейка – мою сестренку Хейвэд, сестра Роза за ручку вела Манечку, мать моя на руках держала маленькую Бэллочку, за спиной у нее был мешочек с коржами, при дезинфекции перемешанных с мылом. Так мы их и ели.

Дети не плакали, как будто они понимали, что происходит. Люди месили грязь, оставляя в ней свою обувь. О том, чтобы подобрать ее не было и речи. Румыны с палками и нагайками кричали: «Быстрее, быстрее». Так мы прошли четыре километра.

Румыны сделали привал на военном стрельбище. Остановив колонну, они проверили всех, затем стали выводить всех инвалидов, которые были без руки или ноги. Крича на них «Партизан, партизан!», заводили в Кобылевский лес и расстреливали. Их было человек шесть. Затем направили пулеметы на нас и заставили сесть. Так прошел еще один день.

24 декабря нас погнали дальше по дороге и уже к вечеру мы были в селе Торков, где и заночевали. Утром, встав, мы увидели, что три человека повесились. Не смогли выдержать этих мучений наши старики... Среди них был наш сосед Шика, портной. Хороший был человек, прекрасный мастер. К вечеру нас привели в село Петрашевка и загнали в туберкулёзную больницу, которая стояла недалеко от леса. Здание было очень маленьким. Мама с сестрами еле забралась в середину одной из комнат. Так мы простояли на ногах всю ночь.

Фото 3. Анатолий Шмулензон

26 декабря нас пригнали в Печорский санаторий. Кто успел, тот занял место в комнатах, в туалетах, остальные обживали коридоры. Появилась первая жертва, мать моего товарища Левы - Мынца Бренер. Мы заняли туалетную комнату на третьем этаже. Для многих из нас это было последним пристанищем. Тут умерли от голода и болезней дорогие мои братья и сестры. Все ворота закрыли и расставили полицейских из местных – дезертиров и бандитов.

Зима 1942 года была очень суровой. Нас морили голодом, болезни уничтожали, казалось бы, всё живое. Но даже в этих нечеловеческих условиях люди искали выход из создавшегося положения. Все вещи, которые были у людей, были отданы за даром. Кто имел родных в гетто, уходили туда, другие начали ходить по сёлам, просить подаяния у крестьян. В ответ на это полицейские начали свой террор против заключённых лагеря. Полицейский Сметанский застрелил двух несчастных евреев, которые пробирались в лагерь. Фашисты стреляли по бегущим евреям, которые шли из села Соколец через замерзшую реку Буг, как по мишени.

При переходе через реку погибли мать моего товарища Пералы Ткач, замечательная женщина и мать, а также Яша Ботканин и Шепя Пестрогалысь. В Вишковецком лесу погиб и мой товарищ Гриша Ткач от рук полицейского, бывшего учителя «Природы».

28 декабря начались морозы, все занесло снегом. Началась суровая зима. Появились такие болезни как брюшной тиф и дизентерия. Умерла в лагере отличница, красавица, замечательная девушка Удали Штернгарц. Умер и мой близкий товарищ Абраша Бартик и его пятеро братьев. Осталась только его мать Элки Бартик. От горя она ходила по комнатам и пела песни, люди её жалели и давали что-то покушать. В скорее она и моя тётя Бузя заболели дизентерией и умерли в один день.

За каждую ночь умирала по 200-300 человек. Из колхоза выделили подводы, сани. Создали похоронную команду, которая стала вывозить мертвых.

На мертвецах было много вшей, поэтому их раздевали догола, укладывали как дрова, перевязывали веревкой и везли на старое еврейское кладбище, где выкопали большую яму и складывали туда трупы. Так, за январь месяц умерло около трех тысяч человек, в основном те, кто ютился в коридорах, подвалах, столовой, санатории. В лагере ничего не давали кушать, нас морили голодом.

Те, у кого оставались вещи, могли поменять их на еду. К воротам подходили крестьяне для обмена, а у нас ничего не было. Мама и ее сестры все оставили дома. Соседи все из нашего дома перенесли к себе. И вообще, когда выводили евреев, многие украинские жители Тульчина подгоняли свои подводы к еврейским домам и грузили все подряд. К кому пришла беда, а к кому - радость наживы. Но не все были такими. Соседи, которые были порядочными людьми, проклинали их за мародерство.

Я как-то узнал, что недалеко от лагеря, в двух километрах, лежит присыпанная землей сахарная свекла. Ночью добрался туда и голыми руками за два часа выкопал из земли 16 кг. свеклы. Когда я принес этот бесценный груз, все обрадовались.

Дорогие мои, как я хотел зарыдать, глядя на вас! Милые мои, хорошие мои, я готов был на все, лишь бы вытянуть вас из этой беды.

Местность была мне не знакома, я никого не знал, не знал куда идти, чтобы достать для вас немного еды. На второй день, под вечер, я опять пошел на поле, но свеклу оттуда уже убрали, и я вернулся с пустыми руками. Напрасно я рисковал. Я знал, что если меня поймут, то больше никого не увижу, так как кого ловили - того убивали.

Когда мама увидела, что я вернулся ни с чем, улыбнулась и сказала, что завтра рано утром пойдет с тётушками в Тульчин. Может быть, им удастся отобрать кое-какие вещи.

«Мама, любимая, будь осторожна, эти людоеды убили много евреев» - просил её я.

«Не бойся, сыночек, присмотри за детьми. Тебе Лейкалы и Итали помогут» - бесстрашно ответила мамочка.

Итали - это была моя двоюродная сестра. На следующее утро мама со своими сёстрами ушли и обещали прийти на второй день, однако не пришли. Через неделю их привезли жандармы. Мама мне рассказала, что когда она зашла к Севакам (нашим соседям) и попросила, чтобы ей хоть что-то отдали, они ответили, что ничего не знают. Это услышал отец Мишки Севака, который отказался служить в полиции, он обругал свою бывшую жену и начал кричать ей: «Грабители, убийцы, Бог накажет вас за это!!! Отдайте вещи, им надо выжить!» На этот крик вошел Зубик - старший полицейский Тульчина, который был им зятем.

Моя мать увидела у них в доме в комнатах наши кровати, покрывала, подушки, она заплакала. Заметив это, Зубик прикрыв двери и, обращаясь к сестрам, сказал: «Идите, я вам все отдам». Он увел их в полицию, где они и поняли, что этот человек ничего не вернет. Он к этому не привык, привык он только брать, но не отдавать.

Когда Зубик расстегнул пальто, мать увидела на нем новый костюм моего отца, она поняла, что дела у них плохи. Зубик вызвал старшего полицейского Стаина. Он в мирное время работал тренером футбольной команды Тульчина. Зубик приказал ему расстрелять моих дорогих людей и вышел. Мама сказала Стаину, что знает его и рассказала все.

Тот выслушал ее и сказал, что хорошо знает моего отца и нашу семью, затем кого-то вызвал, отдал какие-то приказания. Сёстрам он сказал, чтобы больше они Зубику на глаза не попадались, дал им по буханке хлеба, посадил их в сани. Таким образом, их привезли в лагерь. Дети все заплакали. Лейкалы плакала больше всех. Мать узнала, что умерла самая маленькая - Бэллочка. Мои сестрички всячески пытались спасти ее от голода. Ходили просить маленький кусочек хлеба, завязывали его в тряпочку, мочили в воде и давали ей сосать его. Однако моя маленькая сестрёнка умерла от голода. Когда мать сняла платок, все ахнули - ее черные красивые волосы стали белыми. Ей было всего 36 лет...

К концу февраля 1942 года стали умирать мои родные, двоюродные сестры и братья. Одни от болезней, другие от голода двойняшки дяди Лейзера - Хаим и Янкель. Умерли дети дяди Анчела - Лейка и Муня.

Лежа на цементном полу, получила гангрену ног и умерла девушка неземной красоты, двоюродная сестра Бэйла. Заболела брюшным тифом и ушла из жизни моя сестра Розочка. К концу февраля нас осталось совсем мало: моя мама, тетя Сура, тетя Бузя, я, моя сестра Лейка и двоюродная сестра Итали.

В начале марта Лейка вместе с Итали убежали в село просить у сельчан хлеб. День был очень холодный и сырой. В этот роковой день простыла Итали и умерла через три дня возле своей матери Суры. У моих дорогих людей уже не было слез. Сёстры постарели. Как-то раз я вышел в коридор и услышал ругань. Дверь

в соседней комнате отворилась, какой-то сверток попал мне в плечо. Взяв его, я вернулся к матери. В нем оказалось столовое серебро. Рассмотрев его, мама занесла его к тётке Хоне и получила за него четыре пирожка с горохом. Разделив их, мы начали кушать. Мой братик Хаим как-то странно посмотрел на нас...так он и умер с пирожком в руках. Увидев это, тетя Сура вскрикнула, вспомнив своих умерших детей, потеряла сознание и, не приходя в себя, скончалась. На следующий день дядя Ушер похоронил их вместе. Лейкалы нашла себе подружку, которая вывела её в село Вспышки.

Там они жили у крестьян, и очень редко приходила в лагерь, принося картошки и немного хлеба. Но это было один - два раза в месяц а, то и реже. Она как будто таким образом хотела забыть про лагерь. Как-то раз я познакомился с парнем, моим ровесником, Гришей.

Он был из Брацлава и знал дорогу в села этого района. В один из дней, попросив у матери разрешения, я, Гриша и еще один паренек-сирота Фишка, рано утром ушли из лагеря.

Это был мой первый поход. Мы прошли через овраги, кустарники к селу Паланка, оттуда в монастырский лес. Выйдя на опушку леса, Гриша сказал нам, что в селе очень злой полицейский и к нему не дай Бог попасть в руки. Он всех убивает. Так я заочно узнал о бывшем лейтенанте Красной Армии, убийце-полицейском, Григории Вовке.

Гришка сказал нам подождать в лесу, пока он проверит дорогу. Мы прождали его до самого вечера и поняли, что он нас бросил. Мы решили идти сами. Фишка вспомнил, что он был здесь в пионерском лагере и знает здесь немножко дорогу, но идти не может, так как у него замерзли ноги. Я посмотрел на него, мне показалось, что это мой братик и такая меня охватила тоска, что я растёр его ноги, он согрелся, и мы пошли дальше. Этот мальчик был моложе меня на два года, выглядел как скелет и я не мог понять, откуда у него берутся силы, чтобы двигаться и идти в такую даль. Здесь, по прямой было 20 километров.

Мы обходили все стороной, чтобы никто из жандармов и полицейских не встретил нас. В лесу мы повстречали старую крестьянку, которая подсказала нам дорогу. Сказала, чтобы мы остерегались Григория Вовка, который был здесь хозяином. Я разогрел Фишке ноги, мы отдохнули немножко и вошли в село Монастырское. Шли окраинами, ночью. Набредли на ельник. Здесь выращивали елки к новому году. Набредли на домик лесника. Увидев хозяйку, я обратился к ней:

- Тетенька, доброе утро вам и вашей семье.

- Доброе утро, сыночек. Ты что, один?

- Нет, со мной еще один мальчик.

- Ну что ж, заходите в дом, бедненькие мои, вы наверно голодные?

- Да. Мы уже сутки ничего не ели.

Когда женщина увидела Фишку, она ахнула. Мы вошли в дом, она усадила нас за стол, дала по кружке молока, хлеба. Фишке она сказала, чтобы он сразу не наедался, что для него это очень опасно. Затем стала расспрашивать, куда мы идем. Я рассказал ей всё о нас. В это время зашел старик, поздоровался с нами. Это был лесник. Он нам сказал: «Идите к нашей Хевронье на Русскую Чернышовку, там вам будет хорошо. Она у нас святая. Таких людей сейчас мало». В Русской Чернышовке жили староверы. К этим людям мы пришли в деревню. Там был один полицейский, но он никого не трогал. А когда один раз в неделю приезжали румынские жандармы, то они нас предупреждали и велели прятаться. Афанасьева Хевронья действительно была святой.

Она нас приняла, накормила, уложила спать под лавкой возле стола, сверху до самого низу прикрытой дорожкой, где никто не догадался бы, что мы там находимся. В доме у нее был еще сынок Петя, спокойный мальчишка наших лет. Он гулял по деревне, всегда был в курсе происходящего и всегда всеми новостями делился с матерью, чтобы она могла вовремя нас перепрятать, если это было необходимо.

На следующее утро она нас накормила, мы пошли по домам просить хлеб и другие продукты. Люди давали нам крупу, муку, иногда бутылочку с подсолнечным маслом, фасоль и другие продукты, которые мы могли пронести в лагерь. На третий день пребывания в деревне я очень соскучился по маме и решил побыстрее принести продукты в лагерь.

Тетя Хевронья засушила мне сухарей, уложила все продукты в мешок, завела меня к своему свояку дядьке Степану. Это был добрый и умный человек, ранее раскулаченный при Советской власти. Вернувшись в деревню, он построил маслобойню. Дядя Степан дал мне четвертушку масла, пожелал мне счастливой дороги, велел беречь мать и не обижать ее.

Милый дядька не знал, что мать – это самый дорогой для меня в этой страшной жизни человек. Я очень любил свою мамочку, жалел её, поддерживал. Страшное горе, свалившееся на нее, сделало её в 36 лет старухой, тихой и замкнутой. Такой я ее запомнил на всю жизнь. Перед рассветом я был уже в лагере.

Милая моя мама, как она обрадовалась, увидев меня. Рассказала, что тетя Хона и дядя Ушер забрали её к себе и что они перебрались в палату с деревянным полом. Там, на полу, ютилось человек 25.

В лагере чувствовалось злобное затишье. Пригнали еще два этапа из Шпикова и Каменец-Подольска.

Последних заключенных привезли на подводах, груженных домашним скарбом. Началось воровство.

Появилась еврейская полиция, которая обращалась с людьми так же, как и украинские полицейские. Без палки или нагайки никто из них не ходил. И не дай Бог, если кто-то попадет к ним в руки.

Они били беспощадно, а иногда до полусмерти и редко, кто выживал после этого. Если они узнавали, что у кого-то есть что-то ценное, то этим людям приходилось очень плохо. Над ними издевались, били, пока человек не отдавал им половину или все. Чем больше мертвецов, тем лучше было для лагерного начальства. Такова была их задача.

Фото 4. Анатолий Шмулензон с супругой (она тоже была малолетней узницей)

В мае 1942 года лагерь был окружен плотным кольцом - полицейскими и латышскими фашистами. В лагерь вошли немцы. Они выгнали из здания всех на улицу, стали отбирать молодых и еще крепких людей, отводя их в сторону, под охраной литовских фашистов. Таким образом, они добрались и до Шлимы Фельдшер, которая держала на руках маленького ребенка. Подбежав к ней, офицер СС схватил ребенка за ножку, вырвал силой из рук матери и бросил его головой в фонтан. Воды в нем не было... Ребенок сразу погиб. Литовские фашисты, последовав примеру офицера, стали вырывать у молодых матерей годовалых детей и разбивать их об фонтан.

Поднялся крик отчаяния, фашисты направили автоматы на людей, приказали молчать. Шлиму забрали. До войны она была самой красивой девушкой в Тульчине. В дальнейшем, она убежала с немецкого лагеря, умерла в 80-х годах, но детей у нее больше никогда не было.

Отбрав нужное количество людей, погрузили их на машины и увезли, оставив стариков и детей на произвол судьбы. Очень многие, лишившиеся своих кормильцев, стали умирать от голода и болезней.

Многие стали убегать из лагеря, просить еды у крестьян. Большинство из сельчан были хорошие люди и помогали, чем могли. Но были и другие. Каждый из нас знал и обходил стороной пастушков, которые, поймав еврея, избивали его палками, дубинками, чем попало, травили собаками. Эти звери живут до сих пор. Да...это было тяжелое время, и каждый из нас старался выжить и тянуть за собой тех, кто был дороже всего - мать, брата, сестру, старого отца. Другого ничего и не нужно было. Нельзя не описать и жизнь крестьян того времени, которая тоже была не сладкой. Хлеб, выращенный ими, отбирали и увозили в Германию, Румынию и другие фашистские государства. Им оставались только крохи. Все зависело от человека, от того, как он мог обмануть, обхитрить жандармерию, полицейских. Также они выращивали картофель, злаки. Имелись люди, которые пытались печь хлеб из проса. Но главное - у них пока была свобода. В то время ходила частушка, в которой пелось:

«Немец - гут,
Юд - капут,
Кацапам - петля,
Хохлам - пося.»

В селах всегда стояла зловещая тишина. Гуляли полицаи и их приспешники. И все же, крестьяне, в своем большинстве, сочувствовали евреям и делились последним, что было у них. Если еды не было, они извинялись, но все же выносили пару куриных яиц, которые мы сразу выпивали на ходу. Нам давали кушать борщ, кашу, мамалыгу с молоком и т.д. За день мы обходили 10-15 дворов, но все равно чувство голода не пропадало. Мы часто приходили в Русскую Чернышовку, к своей тетке Хевронье. Однажды, тетя Хона попросила меня взять с собой своего двоюродного брата Хаима, завести его в село, чтобы он мог наестся. Я взял его, хотя дрожал от мысли, что он может заблудиться или отстать от меня. Придя в село, я застал страшную весть: разбирая гранату, погиб сын тети Хевроньи, Афанасьев Петр. Не знаю почему, но мне казалось, что я во второй раз потерял своего родного брата.

Я любил этого спокойного и умного паренька, который предупреждал нас об опасности, выводил нас задворками на кладбище, на котором очень часто в летнее время мы спали с Фишкой. Он молился и просил Бога защитить нас от злых людей. Очень жаль было его и его товарища, которого постигла та же участь.

Люди сразу подумали, что погиб я, так как часто видели нас вместе. Но затем узнали Петю и сына церковного старосты. У Хевроньи были муж и два сына. Муж Степан и старший сын ушли на фронт, там и погибли. Теперь она осталась совершенно одна. Позже она взяла к себе еврейского мальчика. Его звали Пиим. Когда он назвался Петей, она усыновила и воспитала его, дала ему образование. Он был с ней до ее кончины.

На окраине Русской Чернышовки бы неглубокий ров. Туда мы с Фишкой и Хаимом натаскали веток и соломы. Откуда-то появился Гриша, старый мой знакомый, с ним были еще две женщины и парень Яша, нашего возраста. Гриша-баламут начал шуметь и заигрывать с женщинами, чем привлек внимание украинских полицейских. Тогда, окруженные румынскими жандармами и полицейскими, мы были выведены из нашего укрытия и уведены в Брацлавскую жандармерию. Нас бросили в погреб, где мы провели ночь. Наутро нас вывели на развалины еврейских домов, заставили выравнивать местность, складывать деревянные поленья. Так получилось, что я, Гриша и Фишка оказались вместе. Хаим работал на другом конце улицы. Грише удалось уговорить нас пойти к его знакомой тетке, она, мол, конфеты делает и даст немного сахара. Когда мы ушли, полицейские бросились следом за нами и на одной из улиц нас заметили и окликнули. Возможно, если бы Хаим был со мной, мы бы убежали вместе, но мы подошли к полицейским. Нас завели всех в погреб. Двое полицейских схватили Фишку, мальчика двенадцати лет, бросили его на пол и стали избивать ногами, считая до двадцати пяти ударов. Он кричал, плакал, просил, извивался, но напрасно. Полицейские били с жесточением, и было видно, что они рады этим страданиям. Вторым был Гриша. Они бросили его на пол, но тот вскочил и стал бегать по всему погребу. Но и ему досталось. Наконец, настал мой черед. Я очень боялся за Хаима, не дай Бог, его тронут, тетя Хона мне этого не простит. Я сам лег на пол, меня стали бить. Первые пять нагаек были самыми болезненными, но я молчал. Тогда они стали бить меня с большим жесточением. Я ничего не чувствовал. Спина горела, но боли не было. «Ты смотри, какой жидёнок попался!» - сказал один из полицейских и ударил меня каблуком своих подкованных сапог.

Так, он оставил мне знак на спине от побоев на всю жизнь. Когда я поднял голову, то увидел, что передо мной стоял полицейский Гриша Вовк. Это было первое мое знакомство с ним. Вторым был учитель по фамилии Природа. Это был бандюга из села Вышковец, Брацлавского района. Немало еврейской крови было на его руках. Закрыли нас в погребе, избитых, без капельки воды. Я был рад одному – Хаима не тронули. На третий день нас вывели и погнали, как скот. Вовк на коне с длинным кнутом, а мы впереди. Так он гнал нас из Брацлава до Монастырки. Там Вовк передал нас Природе с его головорезами, они завели нас в Вышковецкий лес, забрали у нас все, что мы запросили, оставив только картошку и сказали идти прямо в лагерь, а если мы вернемся, то нас убьют. Затем, выгнав на дорогу, отпустили. Я бы вернулся, но со мной был Хаим. Поэтому мы пошли в лагерь.

В этот день нам не везло.

Подойдя к лагерю, нас поймал полицейский из охраны, господин Семеренко. Когда он поднял приклад винтовки, чтобы бить нас, я заслонил собою Хаима, который уже начал плакать. Но тут случилось чудо – Семеренко увидел мою окровавленную спину, оторопел и тихо сказал: «Идите и больше мне на глаза не попадайтесь». Так закончился поход моего двоюродного брата. Правда, его в селе накормили сытно. Больше я его с собой не брал. Тетя Хона и мама меня подлечили, и я ходил сам или с Фишкой Брацлавским. В конце 1942 года начались холода, снегопады, природа как будто тоже мстила этим несчастным людям, которые выживали в этом аду, полураздетые и вечно голодные. Они боролись и искали спасения в самых тяжелых условиях. Они даже не могли ходить в ближайшие села за помощью, так как крестьян били за то, что они дают евреям продукты. Узников можно было увидеть за 30-40 километров от лагеря. Мы узнали, что есть гетто, где евреев не выгоняли из своих домов: Верховка, Обуховка, Чечельник, Бершадь и городки, лежащие вдали от основных дорог. Люди убегали из лагеря. Некоторых ловили, убивали, а кому-то везло.

После того, как моя мамочка потеряла пятерых детей, она стала тихой и замкнутой. Мы пытались взять ее с собой в село, но ее все время ловили и били. Я просил маму никуда больше не ходить. Она всегда боялась, когда я уходил, и очень радовалась, когда я возвращался. Мое стремление было одно – спасти мою мамочку. Каждую неделю я уходил на Русскую Чернышовку к своей тетке Хевронье.

Так было и в этот раз. Мы пошли к ней с Фишкой. Было очень холодно. На мне была самодельная телогрейка, под ней рубашка, брюки из мешковин, большие ботинки с портянками, также был одет и мой напарник. Под вечер охрана ушла греться в караулку, и мы прошли спокойно. Пройдя километров восемнадцать, добрались до села Монастырское, владения Гриши Вовка, тут-то мой напарник и упал, больше идти не мог. Он просил оставить его, но я с этим не согласился. Втащил Фишку в открытый курятник, разогрел беднягу как мог. Мороз крепчал. В доме напротив, играла музыка, слышались пьяные голоса, стало понятно, что надо быстрее уходить. Когда я поднялся, оказалось, что мои ноги были мокрыми, но надо было идти. Подняв Фишку, передвигаясь очень медленно, мы все-таки добрались до тётки Хевроньи. Она впустила нас в дом, накормила, напоила, обогрела и положила спать. Утром мы пошли по домам, нас в селе знали, жалели. За два дня пребывания в селе, мы запросили много съестного и я начал собираться в дорогу. Тетка Хевронья была против, но я сказал, что мать моя голодает. После обеда она уложила продукты в два мешка: один большой, второй маленький. Я ушел один. На улице никого не было, был крепкий мороз, но я шел быстро.

Пройдя монастырский лес и село, я вышел на прямую дорогу, которая вела к городку Печора. Вдруг, вдали я увидел чёрное пятно на снегу, приблизившись, я ужаснулся - это была замёрзшая женщина. Я потрогал её, она была как льдинка - никаких признаков жизни. Вокруг никого не было, начиналась метель. Пошёл дальше. Мне вдруг захотелось спать и я начал бороться со сном. Но моё движение замедлилось, мешки стали очень тяжёлыми, захотелось присесть и отдохнуть, но я продолжал идти. Помню, перешёл основную дорогу до Печоры, мне оставалось метров 100 и, сбросив мешки, я сел на них. Ещё подумал: «На минутку присяду, а потом пойду». Вдруг услышал над собой женский голос: «Вставай, сынок, ты замерзаешь. Быстрее иди, тут уже не далеко, иди, иди, сынок, а то замёрзнешь». Я открыл глаза, посмотрел на неё, еле приподнялся. Но что с моими ногами?! Они не идут. Женщина помогла мне взвалить на плечо мою ношу и я, еле передвигая ногами, как на ходулях, поблагодарив её, продолжил свой путь. Ноги как стиснуло в колодах, боль была

невыносимая, всё же я брёл потихоньку к реке. Перейдя Буг, передвигаясь, вдоль мура лагеря, я неожиданно провалился по колени в прорубь и вновь почувствовал свои ноги. Выбрался и полез вверх, цепляясь за кустарник. Через лаз пробрался в лагерь, снаружи никого не было, но я прополз через двор на четвереньках, подобрался к дверям, открыл их и почувствовал тепло. Так потихоньку пробрался на второй этаж, держась за стенку и, чувствуя, как меня покидают силы, всё же добрался до комнаты, где были мои мать и тётя Хона. Силы покинули меня, двигаться дальше я не мог, не мог даже крикнуть. Всё же собравшись, я на исходе последних сил вбросил свои мешки в дверь. Из комнаты раздались крики, выглянула тётушка Хана. Узнав меня, она позвала мою маму, та с плачем бросилась ко мне и они вместе втащили меня, раздели, обтерли, напоили горячей водой и, накрыв тряпками, уложили спать. Утром подняться я уже не мог. Мое тело как будто покрылось панцирем – сплошной один нарыв. Мама плакала, а тетя Хона не растерялась. Я принес с собой 10 марок. Она взяла их и куда-то пошла. За две марки она купила какую-то мазь, начала мне втирать ее. Это был медный купорос, разведенный растительным маслом. И потихоньку раны стали заживать. Я подцепил экзему. Тетя Хона даже спала возле меня, чтобы наблюдать за мной. Моя хорошая тетушка, она все сделала, чтобы я смог выжить. Экзема отступила, но ноги мои очень болели. Я не мог даже встать, а нужно было. Из того, что я принес, осталась половина. Моя сестра Лейка не появлялась. А я и думать не хотел, что моя мама опять будет голодать. Очень болели голеностопные суставы. Потихоньку я приходил в себя, становилось легче. Мама просила меня: «Не уходи, сынок, если ты пропадешь, моя жизнь никому будет не нужна. На Лейку у меня надежды нет. Прошу тебя, побудь еще немного». Но продукты, которые я принес, были съедены. Тетя Хона имела своих троих детей, изворачивалась, как могла.

Я чувствовал – надо идти. И в один из дней я решил, что пойду. Забрав свои мешки, втайне от матери, поплелся навстречу своей судьбе. Шёл я медленно, обходя опасные места. Как затравленный зверь, озирался по сторонам, так как знал, что убежать в случае опасности не смогу. Незамеченный никем, я добрался до села Паланка, что в двенадцати километрах от лагеря. По знакомым мне дорогам обходил центр. В одном из переулков я почувствовал, что идти больше не могу. Было уже поздно, люди спали. Я залез в сарай для домашнего скота. Подтянулся на руках, залез на сеновал, спать я не мог, дал отдохнуть ногам. Когда запели первые петухи, я спустился вниз по лестнице. Встал на ноги и чуть не вскрикнул, так они болели. Шаг за шагом я стал передвигаться. Прошёл мостик через речку, перешел дорогу, пройдя по полю, подошел к домику лесника. Рассвело. Постучал в дверь. Ко мне вышла сестра тётки Хевроньи. К тому времени она меня хорошо знала. К их дочери заживал жених полицейский. Тот меня не трогал, жалел, относился ко мне хорошо. Жена лесника впустила меня, испугавшись моего вида. Я выглядел как живой скелет. Жених, увидев меня, пригласил к столу, на котором чего только не было, видимо у них была свадьба.

Налив стопку, сказал: «Возьми, пацан, выпей, тебе легче станет». Но лесник воспротивился: «Ему надо что-то покушать, а потом уже он выпьет и согреется». За всё тяжелое время я почувствовал себя человеком, находясь среди добрых и умных людей. Они как будто знали, что война рано или поздно закончится. Был ли он настоящим полицейским, я до сих пор не знаю. Знаю только одно – это были люди с чистой душой. Поев немного и выпив стопку, поблагодарив их, я хотел подняться, но мои ноги не давали встать. Сестра тётки Хевроньи, увидев это, заплакала и сказала: «Иди только к моей сестре и больше никуда. Понял?»

Эти люди желали мне только добра. Когда я добрался к дому тетки Хевронье, был уже вечер. Три километра ходьбы заняли у меня целый день. Она накормила меня, уложила на лавке, осмотрела ноги и сказала, что будет хорошо. На следующий день зашла к соседу, взяла бензин и принялась натирать мне ноги, делая это три раза в день.

Ноги постепенно переставали болеть.

Пришла весна 1943 года.

Шесть недель я лежал у тётки Хевроньи и никуда не выходил. Иногда заходил Фишка, передавал в лагерь маме масло, крупы. Постепенно я начал ходить по избе, а под вечер выходил на улицу. Тётя Хевронья продолжала меня лечить.

Не знаю, чем заслужил я эту нежность простой русской женщины, так много потерявшей в своей жизни. Вера в Бога и милосердие было для нее самым главным. Сколько раз в жизни я вспоминал её. И всегда буду помнить ее доброту и крестьянские руки. Только родная мать могла так поступить. Иногда казалось, что возле меня колдует ангел – вот такой это был человек. Жаль, что в моей жизни мне довелось увидеться с ней ещё только один раз.

В один из солнечных дней она вызвала меня на улицу, в садик возле дома. Увидев меня, жена дядьки Степана, вынесла мне миску борща с хлебом.

Но вдруг, откуда-то ни возьмись, из сада, где когда-то погиб Петька, вышел румынский жандарм и со всей силы ударил меня палкой. Я посмотрел на него и продолжал кушать. Люди, увидев это, замерли как вкопанные. Никто ничего не сказал. В их глазах читалась ненависть. Жандарм, видимо поняв что-то, не стал меня больше бить, приказал идти в лагерь и чтобы больше он меня не видел. Я собрался в дорогу, набрав продукты. Поблагодарил тётку Хевронью и односельчан, которых я узнал за время пребывания там. Первое, что я узнал в лагере, что в лесу копают яму для нас – будут расстреливать. Это мы узнали от крестьян, приходивших продавать продукты.

Среди евреев были такие, что покупали, а затем перепродавали в лагере продукты за бешеные цены. Один узник подошел к каменной ограде, чтобы купить ведро вишни. Договорившись с крестьянкой, он отдал деньги, но когда хотел забрать ведро, откуда, ни возьмись, появился полицейский. Мы звали его Мишка «с кубанкой». Он, вскинув винтовку, выстрелили прямо в голову. Человек упал с забора. Люди заголосили с обеих сторон. Плакали евреи, плакали крестьяне, мужчины молча, отошли от этого места.

А Мишка смеялся, приговаривая: «Ну, чего вы? Скоро вам всем будет капут. Подумаешь, если один погиб раньше. Расходитесь живей. Хватит нам тут с вами возиться, надо побыстрее очистить лагерь». Он, посмеиваясь, ушел. Никто в этот момент не мог знать, что Мишка дорого заплатит за свои поступки. Через два дня после этого случая к лагерю подъехали большие грузовые машины. Из них выпрыгнули

фашистские солдаты и латышские националисты. С засученными рукавами, держа в руках автоматы, они ворвались в лагерь и начали выгонять евреев из здания. Выгоняли эсесовцы. Латыши стояли в стороне, ожидая своей очереди. Задача их была иная: расстрелять евреев возле заранее выкопанных ям.

Кто может представить себе этот гул, плач обреченных людей!!! Многие молились. В основном это были пожилые люди и дети. И вот, казалось, пришел конец. Казалось, что стонет земля от такой несправедливости. Это врезалось в мою память на всю жизнь.

В здании раздавались выстрелы. Там убивали больных людей, которые не могли выйти, и кому уже было все равно. Такая жизнь довела их до предела. Голод, отчаяние, болезни, уже давно превратили их в живых трупов. В тот день было убито 64 человека. Эсесовцы выходили из здания со звериной улыбкой, как будто они совершили геройский поступок. Да будь проклята та мать, породившая таких зверей!

Первая машина уже стояла у ворот проходной, когда к немцам подошел комендант лагеря. Это был молодой офицер. Он сказал им, что звонил в Тульчин и оттуда получил приказ не расстреливать, а дальше морить голодом и что надо жалеть патроны. Надо было видеть, с какой злостью фашисты покидали лагерь, как будто говорили: «Ничего, мы еще до вас доберемся». Они уехали и люди, радуясь, что остались в живых, бросились в здание.

Вскоре, оттуда доносились стоны, крик, плач. У кого убили отца, у кого – мать, брата, сестру. Большое горе пришло к евреям. В этот день одни плакали от горя, другие плакали и смеялись, что живы. Мертвых похоронили и жизнь, если её так можно было назвать, продолжалась.

Усиленная охрана была снята. Опять в далекие села подался и я. Мы с Фишкой пришли в село под Брацлавом. Там я узнал, что в Одессе был пойман брат моего отца Хаскель. Он был партизаном и его повесили. О судьбе моей тетки Голды и ее дочери Гиси ничего не известно. Я любил свою двоюродную сестру. Это была очень красивая и умная женщина. У нее был маленький сын. Позже я узнал, что их пароход был разбомблен, и они все погибли. В этом селе мы ничего не собрали и ушли оттуда назад в Русскую Чернышовку. Там я встретил знакомого паренька Яшку. Он сказал мне, что знает место, где за день мы сможем собрать еды и вернуться в Печору, а потом опять вернуться сюда. Фишка остался, а я пошел с ним. Это место было для меня знакомо. Три села, которые находились за городом Брацлавом - Русская Чернышовка, Украинская Чернышовка и Ксендзовка, располагались рядом.

Люди, живущие здесь, поселились по национальным признакам: русские староверы, украинцы и поляки. Яков повел меня в Ксендзовку. Я бывал там и знал, что в селе было много полицейских, так как в Брацлаве был еврейский лагерь под немецким контролем, затем лагерь ликвидировали, а полицейских распустили по своим селам. Как только мы пришли туда, нас сразу же и поймали. Нас повели в немецкую комендатуру. Это означало одно – конец. Немецкий офицер осмотрел нас: перед ним стояли два замурзанных, в рваной одежде мальчика, на вид лет десяти-одиннадцати. Он велел полицейскому отвести нас к румынам. Так мы попали в руки Григория Вовка. Опасность быть уничтоженными не миновала. Вовк, ругаясь, сел на коня и погнал нас в село, где его ждали два румынских жандарма, которым он должен был показать колхозное хозяйство. Закрыли нас в погребе бывшей школы. Мы остались вдвоем и начали обдумывать свое положение. Убежать отсюда казалось невыполнимым.

Вдруг, дверь открылась. Пацан лет десяти стал петь песню про жидов и кривляться. Мы бросились к нему, но тот успел захлопнуть дверь. В бешенстве и злобе на свою судьбу, я схватился за раму окошка, с силой потянул, и она вместе с окном оказалась в моих руках. Надо было убежать. Другого выхода не было. Я растерялся, а Яков сказал: «Подтолкни меня. А ты как хочешь». Это придало мне уверенности. Я посадил Якова, след за ним вылез и я. Очутились мы в саду. Перебегая от дерева к дереву, очутились перед забором и оказались под навесом с бочками с водой для скота. Тут мы увидели Гришу и двух жандармов, которые заглядывали в коровники. Улучив момент, мы незаметно побежали. Якову давалось это с трудом, так как он хромал на одну ногу. А я мысленно благодарил тетку Хевронью за исцеление моих ног.

Так мы убежали, а вернее спаслись от неминуемой смерти. Больше Вовка я никогда не встречал.

Через три дня после случившегося с нами, мы пришли в лагерь, где нас ожидало новое потрясение.

Мама, милая мама, сколько сил отдал я и рисковал, чтобы уберечь тебя. Но случилось непредвиденное. В лагерь приехал один из евреев, оставленных в Тульчинском гетто, Эдлер. Он был старшим общины. «А ну, евреи, записывайтесь на торфоразработки в Тульчин, вы не пожалеете. Там дают кушать» - сказал он. Люди поверили. Записались многие. Среди них была моя мама и тетя Хона. Дядя Ушер уже работал в Тульчине. Вскоре нас, в сопровождении пяти румынских солдат, на подводах повезли в Тульчин. Люди радовались. Пели песни о тяжелой судьбе евреев. Доехав до Нестерварки, недалеко от Тульчина, нас вдруг окружили. Подъехали эсесовцы на грузовых машинах. Детей перегнали на одну сторону, а взрослых – на другую. Их посадили на машины, а детей – на подводы. Старших увезли в Гайсин, а нас – малышей и чуть постарше - в Тульчин, в приют. Проклятия на Эдлера сыпались со всех сторон.

Так, обманным образом, увезли в неизвестность многих из тех, кто боролся за жизнь и выживал в этих суровых условиях.

Там были старые и больные люди, которые прятались по селам. Сюда попали моя мамочка Неха и двоюродная сестра Песя. Тетя Хона перебралась через забор и убежала, оставив на руках у Песи маленькую Хейвид и Хаима. Она подумала, что с детьми Песю не возьмут. Так, мы с Лейкалы остались одни. Нас увезли в Тульчин вместе с детьми тети Хоны и многими другими.

Больше мы не видели своей мамы. В конце декабря 1943 года, когда Красная Армия разбила фашистские войска на Курской дуге, мать расстреляли. Мы с Лейкалы еще успели передать ей пару ботинок и несколько марок.

По рассказам крестьян, их расстреляли за Гайсином, в селе Тарасовка, прямо возле конюшен, где они жили. Расстреливали их союзники немцев - литовцы, верные холоуи, эсесовцы, звери. Так, мы остались вдвоем, правда с нами еще были дядя Ушер и тетя Хона. Когда община узнала, что наших родных убили, они

задумали избавиться и от нас. Я, Лейкалы, Хаим и Хейвет убежали на торфоразработки к дяде Ушеру и тете Хоне.

Остальных отправили назад в лагерь, где многие из них, потерявшие своих родных, умерли. Узнав об этом, община привезла сирот назад в гетто, в Тульчин. С этой партией привезли и моих друзей: Бориса Майкиса с сестрой Табл, Васкова Арона с братиком Сашей.

Питанием община не помогала. Нас поместили на территорию обувной фабрики, в спортивном зале, где занималась здешняя молодежь. Каково же было их озлобление против нас: «Нищие подонки, вон отсюда, это наш спортивный зал» - набросились они на нас.

Маленькие дети, спавшие на гимнастических матах, были сброшены с них. Услышав крик, прибежали еврейские полицейские, которые выгнали их, пообещав перевезти нас оттуда, но время шло и всё оставалось на месте.

Тогда парни задумали кое-что другое - взобрались на чердак и начали спиливать деревянные перекрытия крыши. Услышав это, мы позвали полицейского. Тот обратился к Борису Майкису: «А ну, залезь туда и если кого поймаешь, скинь его оттуда». Бориса не пришлось долго просить. Взобравшись наверх, он и вправду скинул одного из парней, остальные убежали. Тот, кого сбросили, оказался сыном полицейского, который и приказал это. Увидев избитого, он закричал: «Хватит, хватит, а то вы еще убьете их! Тогда вам не поздоровится». Вскоре, нам перегородили один из цехов на шесть маленьких комнатушек, устроив там нары. Наступила осень.

Нас не кормили, не было чем обогреться. Мы стали ходить на развалины еврейских домов, собирали дрова. Продавали их в гетто, чтобы как-то прожить. Гетто охранялось. Но что могло остановить нас?! Не хотелось верить, что это может быть вечно. У нас не было никакой информации о происходящем в стране. Я не знал, что нет уже моего отца, моих дядей, они погибли в боях с фашистами. В то время мы надеялись на чудо. Мы ждали своих родных. Это вселяло надежду, чтобы продолжать жить. Терпя неудачи на фронтах, фашисты мстили евреям с особой жестокостью за то, что человек еще дышит, ходит по земле, смеется.

Близился к концу 1943 кровавый год.

Природа как будто взбесилась. То сильный ветер, то снегопад, то сильные морозы, то оттепель. В это время появились колонны фашистских войск, которые отступали на запад. Мы видели, когда они наступали. Они были гордыми, чистыми, аккуратными. Теперь мы увидели их отступление: понурые, грязные, измученные люди, если их так можно было называть. Они еле передвигали ногами. По их лицам трудно было понять, жалеют ли они о том, что пришли сюда, проклинают ли своего бешеного фюрера? Все чаще слышались проклятия и слова «Гитлер капут». Зверели лишь только СС и их приспешники. Они жаждали крови.

Уничтожали лагеря, убивали всех, кто попадался им на глаза. В один из дней, уплатив за машины румынам, нас увезли в Балту, подальше от Тульчина. Если бы они могли уничтожить нас, то они бы сделали это, так как хотели забыть то предательство, которое они совершили с нашими родителями.

Не верилось, что евреи могут предавать своих. Такое было время – выживал сильнейший.

Фото 5. Анатолий Шмулензон

За время пребывания в лагере «СМЕРТИ» много пришлось увидеть и услышать. Были случаи каннибализма. Об этом мы узнали в голодном 1942 году. У нас в Тульчине жила семья Браверманн. Отец вил веревки, на еврейском - «штрык лудер». Его забрали на фронт, остались жена и две дочери восемнадцати и двадцати лет. Они потребовали от матери еды. Но что могла сделать больная женщина? Она сказала: «Режьте меня и жрите, больше у меня ничего нет». И они, ее дети, отрезали у нее груди, сварили и съели. Ужас охватил всех. Люди стали ненавидеть, сторониться их. Мать умерла, но и они долго не прожили.

Так, как поступили старосты гетто Цимерман и Эйдлер, чистокровные евреи, вечно довольные собой, также соответствуют слову «людоеды». Угнать на смерть измученных болезнями и голом людей!!! Другим словом их не назовешь.

В Балте нас поселили в Сиротский дом. До войны здесь жили беспризорные дети и сироты. На следующий день нас построили и разделили на две части: детей до пятнадцати лет отдельно, а детей постарше в другую сторону. Малышей оставили, а старших увели на территорию бывшей мебельной фабрики, где находилось общежитие для рабочих. Там нам выделили комнату, если так ее можно было назвать. Сплошная грязь и горы мусора, но крыша была. Наши девушки взялись за работу, мы выносили мусор. Через четыре часа комната стала чистой и пригодной для жизни, но было холодно. Мы нашли печку, прибили дверь. Все было бы хорошо, кроме того, что еды у нас не было. Моя сестричка Лейкалы осталась в приюте и каждый день она приносила то кусочек хлеба, то мамалыгу. Меня это очень огорчало, так как она сама была измучена, еле передвигала ноги, а со мной были мои друзья. Мы стали ходить по городу и искать себе пищу. Как-то раз Борис и Арон нашли мешок риса в казарме фашистских солдат, которые в спешке оставили его. Мы находили консервы, сухари. Нас было тогда человек двадцать и того, что мы добывали, хватало. Девушки убирали и готовили, а мы добывали еду. Так прошел месяц. С приближением фронта, всё труднее стало ходить по городу.

В начале февраля 1944 года к приюту подъехали большегрузные машины. Румынская администрация объявила, что все дети из Румынии и Молдавии должны немедленно собраться, они поедут домой. С нами была одна маленькая девочка, которой был всего годик. Её мать расстреляли вместе с моей под Гайсином. Нянчилась с ней одна замечательная девушка Фрима Вольник. Когда она обратилась к еврею, приехавшему за детьми, забрать ее тоже, тот ответил, что это невозможно, что она пропитана большевистским духом. До сих пор не могу понять, как это мы, евреи, которых уничтожали, не спрашивая фамилии, смогли так поступать.

Девушки остались с нами и, благодаря Фриме, осталась жива и малышка. С этой партией детей уехала девушка Бени Уманского. Оставшись один, он загрустил, никуда не выходил, кушал то, что было, никто ни в чем его не упрекал, так как мы видели его переживания. В городе по ночам, а иногда и днем, слышалась стрельба. Однажды, к нам прибежала женщина вся в крови. Она нам сказала, что по домам ходят эсесовцы и расстреливают евреев. У нее убили старых родителей, а ей выстрелили в голову, но пуля задела только кожу головы и девушка потеряла сознание. Когда она пришла в себя, дома никого не было, на полу лежали ее родители и товарищ её отца, которые были уже мертвы.

Она подползла к ним и, видя, что те мертвы, испугалась и побежала, куда глаза глядя. Так она очутилась у нас. Наши девушки помыли ей лицо, на голове запеклась кровь, никто не решился трогать ее. Мы посоветовали ей идти в красный крест. Она, побыв у нас, пока не успокоилась, ушла. Через окно мы увидели офицера СС, который вел впереди себя человека. Доведя его к мебельной фабрике, фашист выстрелил ему в голову. Столкнув мужчину в яму, эсесовец ушел в другую сторону. Наблюдая за местом убийства, мы увидели, что этот человек выполз из ямы, поднялся, и мы ужаснулись, одного глаза у незнакомца не было. Человек постоял, приложил ладонь к месту глаза и ушел пошатываясь. Больше мы его никогда не видели. На улицу ходить было нельзя. Фашисты, как звери, набрасывались на людей, убивали каждого, кто попадется к ним в руки. Также они ловили мужчин для работы на железнодорожной станции. Так попали и наши - Бренер Йосиф и Элик Березин. По окончании работ, их загнали в барак и подожгли. Йосиф успел выпрыгнуть из окна, но его пристрелили. Там мы нашли его потом с обгоревшими ногами.

В нашем бараке жила молодая пара из Молдавии. Его звали Броня и её тоже Броня. Она была беременна. Они любили друг друга. Это была очень красивая пара. Люди, при встрече с ними, улыбались, желали всего самого наилучшего. В один из дней появилось солнышко. На улице стояла тишина. Не было слышно выстрелов. Наши парни и девушки вышли во двор, радуясь теплу.

Но веселье длилось не долго. Послышалась автоматная очередь по крыше. Все разбежались, появилась тревога. Я заметил, что к нам приближаются три эсесовца. Беспокойство за моих друзей нарастало. Не знаю, почему я сказал Борису и Арону лечь вместо подушек. Девушки закрыли их тряпками и положили на них головы. В это время к нам в дверь постучали. Пришлось мне открыть дверь. Передо мной стояло три эсесовца. Они выгнали на улицу Бенью и Броню. Из соседних комнат выгнали еще двоих и прямо возле барака расстреляли. Когда эсесовцы исчезли, все бросились к расстрелянным. Раненых забрали в дом, помогали им как могли. Броня вскоре родила мальчика, которого назвала Броней в честь отца. На второй день, рано утром заиграла балалайка, и мы поняли, что к нам пришла Красная Армия. Не сразу люди стали выходить из своих домов и подвалов.

Раненых парней забрали в госпиталь. Город хоронил расстрелянных горожан. Их привезли на кладбище в машинах. Мне запомнился один старик, который лежал с прострелянным фаллосом. Красивый старик с белой бородой. Он как будто спал. Его завернули в саван и похоронили отдельно, а остальных в братской могиле.

В городе ловили полицаяв. Люди всех национальностей искали этих подонков. Пришли партизаны, которые вместе с евреями поймали главного полицейского Балты. Они привели его на базарную площадь, где его ожидала виселица. Ему зачитали его преступления.

Приговор исполнил старый еврей, у которого этот людоед убил сына. Солдаты стояли рядом и не вмешивались. Многие немецкие солдаты, которые не чувствовали за собой вины и не убивали никого, спрятались. Когда фронт продвинулся дальше, они сдались в плен. Так прошло несколько дней. К нам никто не приходил, мы поняли, что никому не нужны. Мы решили самостоятельно добираться в Тульчин. У меня была надежда, что нас найдет отец. Да и другие думали о том же. Моя сестра Лейка была очень ослабленной,

но она уговорила взять ее с собой. Мы шли по степи, не встречая никого по пути. Несмотря на холодный дождь, в этот день мы добрались до Ольгополя, пройдя 25 километров. Там, еврейская община нас накормила, чем могла. Переночевав, мы пошли в Чечельник, пройдя 10 километров, где нас тоже поддержали евреи, снабдив хлебом в дорогу. Мы обратились к военному шоферу с просьбой отвезти нас в Тульчин, но он отказался, сказав, что не имеет права. Тогда мы предложили ему деньги, которые нашли. Взяв их, он повез нас с условием, что мы будем вести себя тихо и при въезде в город сойдем. Вскоре мы были дома, как нам тогда казалось. Придя на нашу улицу, мы застали развалины. Так мы остались с сестричкой не только сиротами, но и бездомными. Мы решили искать себе ночлег. Дом дяди Бени был цел. Мы застали там тетю Злату и моего двоюродного брата Тулю. У них я оставил сестру, ей шел тогда четырнадцатый год. А сам с Борисом и Ароном ушли. Вскоре Арон нашел свою старшую сестру, которая приютила нас на ночлег. На второй день мы пошли искать себе еду. Доставали дрова, выкапывали на развалах старые заснеженные погреба. Голодными мы не были. Переспать где-нибудь для нас особого труда не составляло. Необходимо было определиться.

Бориса мобилизовали в армию, Арон уехал в Ленинград и взял с собой брата, которого потом устроил в Нахимовское училище.

Так я остался один. Я нашел своего дядю Ушера и тетю Хону. Они жили очень бедно. Все было бы хорошо, но у меня не было «ложки», чем кушать и я утром уходил, а вечером приходил к ним на ночлег и даже очень часто приносил домой съестное. Моя сестричка обратилась в военкомат, ей выделили пособие в размере 650 рублей. Но я ничего не требовал от нее. Бродя с украинскими мальчиками, которых я знал до войны, мы нашли гору соли. Это был большой дефицит в то время. Запас этот был завезен еще до войны. Никто об этом не знал, и мы потихоньку стали продавать ее на базаре.

Это длилось не долго. Видимо кто-то из мальчишек проговорился, и возле соляной горы поставили охрану...

Мы записались в ФЗО, где я начал учиться на шахтёра, а сестра - на лебёдчицу. Так мы вдвоём попали на Донбасс. Было тяжело. Сестра моя не выдержала и уехала домой. Она звала меня с собой, но я отказался, о чём в дальнейшем очень сожалел. Мне не было куда ехать.

Перед отъездом мы получили известие о гибели отца....

Сестра поехала к тётке Злате, я же, закончив училище, стал забойщиком и был направлен в шахту на работу.

Уважаемый господин

Шмулензон !

**Библиотека Яд Вашем искренне
признательна Вам за присланную книгу
Вашего отца А.С. Шмулензона «Без права на
жизнь» .**

**Книги, подобные Вашей, представляют
большую ценность для
Яд Вашем, поскольку дают возможность
восстановить и сохранить неизвестные
ранее страницы истории евреев в годы
Второй мировой войны, незабываемые
имена жертв Холокоста.**

Желаем Вам здоровья и благополучия.

С уважением

**Зав. русским фондом
Анна Шиндер**

tak-bilo.ucoz.com